

КОНРАД ЛОРЕНЦ

*АГРЕССИЯ,
ИЛИ ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ЗЛО*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.9

ББК 88.3

Л78

Серия «Эксклюзивная классика»

Konrad Lorenz

DAS SOGENANNT E BÖSE
ZUR NATURGESCHICHTE DER AGRESSION

First published by Verlag Dr. Borotha Schoeler, Vienna 1963

Перевод с немецкого *А. Федорова*

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*

Компьютерный дизайн *Е. Фереа*

Печатается с разрешения издательства dtv
Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, Munich, Germany.

Лоренц, Конрад.

Л78

Агрессия, или Так называемое зло / Конрад Лоренц ; [перевод с немецкого А. Федорова]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-159148-9

Конрад Лоренц — выдающийся зоолог и зоопсихолог, философ, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине.

«Агрессия, или Так называемое зло» — одна из самых известных его работ, в которой он рассматривает агрессию на примере самых разных биологических видов — аквариумных рыбок, крыс, гусей, волков и, наконец, людей и приходит к парадоксальному выводу: глубокая личная привязанность возникает лишь в тех сообществах, где наблюдается высокий уровень агрессии. Где нет агрессии — нет крепкой дружбы и настоящей любви. Так можно ли считать агрессию злом, а подавление агрессии — благом? И сможет ли человечество развиваться в случае полного отказа от агрессии в отношении себе подобных?..

УДК 159.9

ББК 88.3

© dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG,
Munich, Germany, 1983

© Перевод. А. Федоров, наследники, 2017

ISBN 978-5-17-159148-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Посвящаю своей жене

Содержание

Предисловие	5
1. Пролог в море	12
2. Продолжение в лаборатории	26
3. Чем хорошо зло	42
4. Спонтанность агрессии	82
5. Привычка, церемония и колдовство	93
6. Великий Парламент Инстинктов	135
7. Формы поведения, аналогичные моральным	169
8. Анонимная стая	215
9. Общественный порядок без любви	230
10. Крысы	241
11. Союз	254
12. Проповедь смирения	327
13. Ессе homo	350
14. Исповедую надежду	389
Примечания	411

Предисловие

Один мой друг, взявший на себя поистине дружеский труд прочесть и подвергнуть критическому разбору рукопись этой книги, написал мне, добравшись до середины: «Вот уже вторую главу я читаю с захватывающим интересом, но и с возрастающим чувством неуверенности. Почему? Потому что не вижу связи с целым. Ты должен мне в этом помочь». Это было совершенно справедливое замечание, и я решил написать предисловие, чтобы читатель мог сразу понять, к чему устремлено целое и как связаны с целью всей книги отдельные главы.

Книга посвящена *агрессии* — то есть инстинкту борьбы *против собратьев по виду* — у животных и человека. Написать ее я задумал в Соединенных Штатах, куда приехал с двумя целями: прочесть курс лекций по сравнительной этологии и физиологии поведения для психологов, психоаналитиков и психиатров и проверить в естественных условиях на коралловых рифах у побережья Флориды гипотезу о боевом поведении некоторых рыб и о функции их окраски для сохранения вида, выработанную на основе аквариумных на-

блюдений. В американских клиниках я впервые встретил психоаналитиков, для которых теории Зигмунда Фрейда были не непреложными догмами, а рабочими гипотезами, как и должно быть во всякой науке. При таком подходе мне стало понятно в теориях Фрейда многое из того, что прежде вызывало у меня возражения, так как казалось чересчур смелым. В дискуссиях по поводу его учения об инстинктах неожиданно обнаружились важные совпадения между выводами психоанализа и физиологии поведения — важные именно ввиду различия в постановке вопросов, в методах исследования и, главное, в базисе индукции.

Я ожидал непреодолимых разногласий по поводу понятия инстинкта смерти — разрушительного начала, которое по одной из теорий Фрейда противостоит всем инстинктам, служащим сохранению жизни. Эта гипотеза, чуждая биологии, с точки зрения этолога, не только не нужна, но и неверна. Агрессия, проявления которой часто отождествляются с проявлениями инстинкта смерти, — такой же инстинкт, как все остальные, и в естественных условиях она, как и другие инстинкты, служит сохранению жизни и сохранению вида. У человека, который творческим трудом слишком быстро изменил условия своей жизни, агрессия часто приводит к губительным последствиям; однако это случается и с другими инстинктами, хотя и не выглядит столь драматично. Но когда я стал отстаивать перед друзьями-психоаналитиками такой взгляд на инстинкт смерти, оказалось, что

я ломлюсь в открытую дверь. Они показали мне много мест в работах Фрейда, из которых видно, как мало он сам полагался на эту дуалистическую гипотезу, которая ему, как настоящему монисту и механистически мыслящему естествоиспытателю, должна была быть принципиально чуждой.

Вскоре после этого я начал изучать коралловых рыб, живущих на воле в теплом море; у этих рыб значение агрессии для сохранения вида совершенно очевидно. Тогда мне и захотелось написать эту книгу. Этологи знают уже вполне достаточно о естественной истории агрессии, чтобы говорить о причинах некоторых нарушений функции этого инстинкта у человека. Понять причину болезни еще не значит найти эффективный способ лечения, но это одна из предпосылок его отыскания.

Я чувствую, что взял на себя задачу, трудность которой превосходит мои литературные способности. Если каждый элемент системы находится в сложных причинных взаимосвязях со всеми остальными, почти невозможно описать словами, как она работает. Даже объясняя устройство двигателя внутреннего сгорания, не знаешь, с чего начать, потому что невозможно понять, как работает, например, коленчатый вал, не поняв одновременно, как работают шатуны, поршни, клапаны, кулачковый вал и т. д. Отдельные элементы целостной системы можно понять лишь в их взаимодействии, иначе вообще ничего понять нельзя. И чем сложнее система, тем труднее как исследовать ее, так и объяснить ее устройство. Между

тем структура взаимодействий инстинктивных и выработанных культурой форм поведения, составляющих общественную жизнь человека, несомненно является самой сложной системой из всех, какие мы знаем на нашей планете. И чтобы стали понятны те немногие причинные связи, которые я могу, как мне кажется, проследить в этом запутанном клубке взаимодействий, волей-неволей придется начать издалека.

К счастью, все наблюдаемые факты интересны сами по себе. Можно надеяться, что схватки коралловых рыб из-за охотничьих участков, инстинкты, напоминающие человеческую мораль, способы торможения инстинктов у общественных животных, не знающая любви супружеская и общественная жизнь кваков, кровавые массовые побоища серых крыс и другие поразительные образцы поведения животных удержат внимание читателя до тех пор, пока он подойдет к пониманию глубинных взаимосвязей.

Подвести его к этому я стараюсь по возможности тем же путем, каким шел сам, и поступаю так по принципиальным соображениям. Индуктивное естествознание всегда начинается с неподвзятого наблюдения отдельных фактов и от них переходит к абстрагированию общих закономерностей, которым все эти факты подчиняются. В большинстве учебников ради краткости и доступности идут обратным путем и ставят «общую часть» впереди «специальной». При этом изложение выигрывает в обозримости, но проигрывает в убедительно-

сти. Сначала развить теорию, а затем «подвести под нее фундамент» с помощью примеров легко и просто, ибо природа настолько многообразна, что, если хорошенько поискать, можно найти убедительные с виду примеры, подкрепляющие даже самую бессмысленную гипотезу. Если бы читатель на основе изложенных в книге фактов сам пришел к тем же выводам, что и я, — тогда книга была бы по-настоящему убедительна. Но я не могу требовать, чтобы он безоглядно двинулся по столь тернистому пути, и потому предлагаю ему краткое резюме глав книги — своего рода путеводитель.

Я начинаю в первых двух главах с описания простых наблюдений над типичными формами агрессивного поведения, в третьей главе перехожу к его значению для сохранения вида, а в четвертой рассказываю о физиологии инстинктивных движений вообще и агрессивных в частности — рассказываю достаточно подробно, чтобы стала понятна спонтанность их ритмически повторяющихся неудержимых вспышек. В пятой главе рассматривается процесс ритуализации и обособления новых инстинктивных побуждений, возникших из инстинкта агрессии, с той степенью подробности, какая необходима для понимания роли этих новых инстинктов в сдерживании агрессии. Той же цели служит шестая глава, где дан общий обзор системы взаимодействий различных инстинктивных побуждений. В седьмой главе на конкретных примерах показано, какие механизмы «изобрела» эволюция, чтобы направить агрессию

в безопасное русло, какую роль при выполнении этой задачи играет ритуал и насколько похожи возникшие при этом формы поведения на те, которые у человека направляются ответственной моралью. Эти главы создают предпосылки, позволяющие понять, как функционируют четыре весьма различных типа общественной организации. Первый из них — анонимная стая, свободная от какой-либо агрессивности, но при этом не знающая ни личного знакомства, ни общения отдельных особей. Второй — семейная и общественная жизнь, основанная лишь на территориальной структуре защищаемых участков, как у квакв и других птиц, гнездящихся колониями. Третий тип — удивительная большая семья крыс, члены которой не различают друг друга лично, но узнают своих по клановому запаху и проявляют друг к другу образцовое дружелюбие, а с любой крысой из другого клана сражаются с ожесточенной партийной ненавистью. Наконец, четвертый вид общественной организации — такой, в котором узы личной любви и дружбы не позволяют членам сообщества бороться между собой и вредить друг другу. Эта форма сообщества, во многом аналогичного человеческому, подробно описана на примере серых гусей.

Надеюсь, что после всего рассказанного в первых одиннадцати главах мне удастся объяснить причины некоторых нарушений функции агрессии у человека. Двенадцатая глава — «Проповедь смирения» — призвана создать для этого еще

одну предпосылку, устранив внутреннее сопротивление, препятствующее многим людям увидеть, что они сами — часть вселенной, и признать, что их поведение тоже подчинено законам природы. Корни этого сопротивления — в негативной оценке причинности, которая кажется противоречащей свободе воли, и в духовном высокомерии. Тринадцатая глава имеет целью объективно обрисовать современное состояние человечества с точки зрения, например, марсианского биолога. Наконец, в четырнадцатой главе я пытаюсь предложить возможные меры против тех нарушений функции агрессии, причины которых, как я полагаю, мне известны.

1. Пролог в море

В широком море ты свой путь начни!
Все твари там из малого родятся,
Растут, преуспевают и плодятся,
Глотая жадно меньших, чем они,
И к высшему свершению стремятся.

Гете

Извечная мечта о полете стала явью: я невесомо парю в невидимой среде и легко скольжу над залитой солнцем равниной. При этом я передвигаюсь не так, как принято у порядочных обывателей, заботящихся о своем достоинстве — животом вперед и головой кверху, — а в положении, освященном древним обычаем всех позвоночных: спиною к небу и головой вперед. Если я хочу посмотреть вперед, приходится выгибать шею, и это неудобство напоминает, что я, в сущности, обитатель другого мира. Но сейчас я этого не хочу или хочу очень редко; как и подобает земному исследователю, я смотрю по большей части вниз, на то, что происходит подо мной.

«Но там все темно, все ужасно внизу, и пусть человек не дерзает увидеть ту бездну, что воля

богов от нас милосердно скрывает»¹. Впрочем, когда боги ее *не* скрывают, а, напротив, позволяют благодатным лучам южного солнца одарять животных и растения всеми красками спектра, человек непременно должен дерзнуть туда проникнуть, и я советую каждому сделать это хоть раз в жизни, пока он не слишком стар. Для этого ему понадобятся только маска и дыхательная трубка, а если он расщедрится, еще и резиновые ласты, а также деньги на дорогу к Средиземному морю или к Адриатике, если только попутный ветер не занесет его еще дальше на юг.

С аристократической медлительностью пошевеливая плавниками, я скольжу над сказочным ландшафтом. Это не настоящие коралловые рифы с причудливо изрезанным рельефом живых гор и долин, а менее живописное, но ничуть не менее заселенное морское дно возле одного из тех многочисленных островков, сложенных коралловым известняком — так называемых Киз (Keys), — которые длинной цепью примыкают к южной оконечности полуострова Флорида. На коралловой гальке повсюду сидят диковинные полушария кораллов-мозгови-

¹ Из баллады Шиллера «Ныряльщик» (Der Taucher), в переводе В.А. Жуковского названной «Кубок». Дословный перевод: «Но там внизу страшно, и человек не должен искушать богов и никогда, никогда не должен стремиться увидеть то, что они милосердно укрыли тьмой и страхом». Перевод Жуковского: «Но страшно в подземной таинственной мгле / И смертный пред Богом смиришь: / И мыслью своей не желай дерзновенно / Знать тайны, им мудро от нас сокровенной».

ков, несколько реже — пышно разветвленные кусты ветвистых кораллов, развеваются султаны роговых кораллов, или горгоний, самых разнообразных видов, а между ними — чего не увидишь на настоящем коралловом рифе дальше в океане — всевозможные водоросли, коричневые, красные и золотистые. На больших расстояниях друг от друга стоят громадные «черепаховые» губки, толщиной с человека и высотой со стол, некрасивой, но правильной формы, словно сделанные человеческими руками. Безжизненного каменного дна не видно нигде: все пространство между уже названными организмами заполнено густой порослью мшанок, гидроидных полипов и губок; фиолетовые и оранжево-красные виды покрывают большие площади, и о многих из этих пестрых бугристых покрывал, обтягивающих валуны, я даже не знаю, принадлежат ли они к животному или растительному царству.

Без всяких усилий я постепенно выплываю на мелководье; кораллов становится меньше, зато растений больше. Подо мной расстилаются обширные леса очаровательных водорослей, имеющих точно такую же форму и такие же пропорции, как африканская зонтичная акация; это сходство вызывает иллюзию, будто я парю не над атлантическим коралловым рифом на высоте человеческого роста, а в сотни раз выше — над эфиопской саванной. Подо мной уплывают вдаль широкие поля взморника и меньшие поля карликового взморника, и, когда до дна остается чуть больше метра, при взгляде вперед я вижу длинную, темную, неровную стену,

которая простирается влево и вправо, насколько хватает глаз, и без остатка заполняет промежуток между освещенным дном и зеркалом водной поверхности. Это самая важная граница — граница между морем и сушей, берег *Lignum Vitae* Кей, Острова Древа Жизни.

У берега рыб становится во много раз больше. Они десятками разлетаются подо мной, и это снова напоминает аэрофотоснимки из Африки, на которых стада диких животных разбегаются во все стороны от тени самолета. В других местах, над густыми лугами взморника, забавные толстые рыбы-шары разительно напоминают куропаток, вспархивающих над полем из-под колосьев, чтобы, немного пролетев, нырнуть в них обратно. Другие рыбы поступают наоборот — прячутся в водоросли прямо под собою, едва я приближаюсь. Многие из них самых невероятных расцветок, но при всей их пестроте цвета сочетаются безукоризненно. Толстая еж-рыба с изумительными дьявольскими рожками над ультрамариновыми глазами лежит совсем спокойно, ослабившись, — я ей ничего плохого не сделал. А мне один представитель ее вида кое-что сделал: когда я несколько дней назад неосторожно взял в руки такую рыбу (американцы называют ее «*Spiny Boxfish*», «колючая рыба-коробка»), она своим попугайским клювом из двух острых как бритвы зубов легко отщипнула у меня с указательного пальца правой руки порядочный кусок кожи. Я ныряю к только что замеченному экземпляру — надежным, сберегающим силы способом пасущейся на